

В ТЕАТРЕ на
Сорок третьей
улице в ста шагах
от Бродвея давали

новую пьесу под названием «Кубинское дело». Спектакль начался, как полагается, в 8.30 вечера, но закончился необыкновенно быстро — в 8.45. Дело в том, что ровно через четырнадцать минут после начала публика уже плакала навзрыд. Актеры тоже рыдали. Пришлось опустить занавес и прекратить спектакль.

Всплеск эмоций был, впрочем, вызван не достоинствами пьесы и не талантом актеров. Все дело в том, что через четырнадцать минут после поднятия занавеса в зрительном зале были взорваны три гранаты со слезоточивым газом: около сцены, в самой середине пертера и на галерке. Поняв, что это не режиссерский эксперимент, девятьсот человек, кашляя и сморкаясь, бросились вон из зала. Женщины кричали. Несколько зрителей упало. Двоих отвезли в карете «скорой помощи» в госпиталь имени Рузвельта.

Гранатометчики оказались членами террористической организации контрреволюционных кубинских эмигрантов. Руководство этой организации сочло, что в пьесе «Кубинское дело» неправильно, с их точки зрения, показана кубинская революция, и решило подвергнуть пьесу разносторонней критике.

Этот новый способ оценки произведения искусства, надо сказать, не вызвал в театральных кругах Нью-Йорка особого переполоха. Слезоточивый газ, гранаты, бомбы, снайперские винтовки становятся привычным и действенным методом решения многих вопросов повседневной жизни в Америке, а искусство, естественно, не должно отставать от жизни, тем более, что события в театре на Сорок третьей улице уже не первая попытка решения «творческих споров» при помощи гранатометания.

Не так давно противники фильма «Жаркой ночью», осуждающего расизм, высказали свое отношение к картине, успешно взорвав в кинотеатре, где она демонстрировалась, небольшую, но хорошо аргументированную слезоточивым газом критическую бомбочку.

Ходить в нью-йоркские театры и кино становится небезопасно. Можно себе представить, как в недалеком будущем в американской семье бу-

СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

дет решаться вопрос о приобщении к искусству.

ОНА (мечтательно). Ах, как хочется сходиться в кино!

ОН (мрачно). Бессмысленная браватура, дорогая.

ОНА (с надеждой). На углу идет «Касабланка» — старый добрый фильм. Это безопасно.

ОН (возмущенно). Безопасно?! Но ведь там, говорят, оглушены образы фашистов. Американская нацистская партия обязательно будет швырять гранаты.

ОНА (не сдаваясь). Тогда на комедию «Мы танцуем». Мне говорили — там никакой политики, просто веселый водевильчик из жизни полицейских.

ОН (безапелляционно). В этой картине ополчен образ полицейского. «Копы» разнесут мюзикл по всем чертам.

ОНА (с грустью). Тогда пойдем смотреть «Бемби». Ты помнишь? Очаровательный фильм об олененке, возмем с собой детей...

ОН (зыходя из себя). Ты хочешь их гибели?! Сколько раз тебе надо объяснять: Бемби вызывает отрицательное отношение к охотникам.

ОНА. Ну и что?

ОН. Как ну и что?! (Берется руками за голову.) А Национальная стрелковая ассоциация. Ведь это противоречит ее интересам! Ее люди перестреляют всю публику!..

Вы полагаете, что подобный разговор — большое преувеличение? Возможно. Но когда на другой день после взрывов на Сорок третьей улице мы пошли смотреть «Кубинское дело», у входа в театр меня встретили не билетеры, а полицейские. Я, признаться, несколько волновался: искал и нигде не мог найти успокоительной надписи: «Проверке, мин нет». В антракте публике приказали оставаться на местах. Администрация, видимо, в награду за храбрость после спектакля раздавала зрителям картонные стаканчики с апельсиновой водой. Раздавала так, как вручают боевые ордена: торжественно и бесплатно.

Что касается самой пьесы, то она, несмотря на отдельные достоинства, нуждается, с моей точки зрения, в серьезной критике. Но как назло, представьте, я не захватил с собой в театр ни одной гранаты со слезоточивым газом.

Г. БОРОВИК,
соб. корр. АПН.

НЬЮ-ЙОРК.

ЗНАЕСТИ
Г. Москва

11 ИЮНЬ 1968